

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. А. Куракин

Русское зарубежье: социально-экономическая мысль

Продолжение. Начало см. в 2008. Т. 9. № 3; № 4.

С. С. Маслов. Колхозная Россия

Мы продолжаем публикацию работ А. А. Куракина о книгах, вышедших в рамках серии «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль». В этот раз обзор посвящён монографии основателя «Крестьянской партии» С. С. Маслова «Колхозная Россия», написанной в годы коллективизации (1937 г.). Именно коллективизацию, по словам Маслова, следует считать новым и неповторимым хозяйственным явлением социалистического строя. Что в ней особенного? Почему в России оказалась возможной сплошная коллективизация? Что колхозы принесли власти и крестьянству? Ответы на эти и другие вопросы представлены в данной книге. Монография написана по материалам рассказов очевидцев, советской прессы, выступлений партийных лидеров и проч.

КУРАКИН Александр Александрович — научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований ГУ ВШЭ. (Москва, Россия).

Email: chto-delat@yandex.ru

Ключевые слова: коллективизация; коллективное хозяйство; крестьянство; советская деревня.

Введение

Третьей книгой, вышедшей в серии «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль», стала монография С. С. Маслова «Колхозная Россия» [Маслов 2007]¹. Полное её название таково: «Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее». По причине неподъёмности названия будем называть эту работу «Колхозной Россией». Именно так, заметим, она называется в переиздании.

Впервые «Колхозная Россия» вышла в свет в 1937 г. в Праге. Её опубликовало издательство партии «Крестьянская Россия», главой и создателем которой был сам Маслов. Настоящее переиздание, помимо собственно «Колхозной России», содержит три предваряющих её статьи: одна аналитическая статья по мотивам «Колхозной России» и две биографические. Первая из последних посвящена деятельности Маслова в России, а вторая — эмигрантскому периоду его жизни.

¹ Книга подготовлена при поддержке РГНФ. Грант — 06-0200200а.

Помимо этого, отдельно даётся автобиография Маслова, что следует считать большой удачей. Она прилагалась к письму с заявлением Маслова в Русский Институт Сельскохозяйственной кооперации в Праге на должность преподавателя сельскохозяйственной кооперации и сельскохозяйственной экономики (письмо датировано 1927 г.). Это подробное и хорошо структурированное жизнеописание. Начиная с 1907 г. датировка даётся с точностью до месяца. Сама же деятельность была разделена автором на пять составляющих: 1) общественно-агрономическая работа, 2) кооперативная работа, 3) политическая работа, 4) литературная работа, 5) исследовательская работа.

Теперь коротко обрисую биографию Маслова.

Биография

Сергей Семенович Маслов (1887–1945) родился в Воронежской губернии. Отец его, по словам самого Маслова, был «сначала купец, потом мелкий торговец». В 1907 г. окончил среднюю агрономическую школу, а в 1915–1917 гг. обучался в Петроградском психоневрологическом институте, но не окончил его.

В доэмигрантский период Маслов выступал в двух ипостасях: кооператора и политического деятеля. Его кооператорская деятельность проходила в основном в Вологодской губернии и сыграла важную роль в формировании его воззрений. Но политика вскоре всё же перевесила и заняла почти всё его время и силы. Не случайно статья, посвящённая деятельности Маслова в России, носит подзаголовок «Из кооператоров — в политики». В 1906 г. Маслов вступил в партию эсеров (социалистов-революционеров). Даром это для него не прошло: начались проблемы с полицией, затем арест, тюрьма, ссылка, впрочем, не очень длительная.

С наступлением февраля 1917 г. Маслов принял активное участие в революции и даже, как написано в одной из вступительных статей, лично арестовывал вологодского губернатора. После этого он стал депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии.

Власть большевиков Маслов не принял и активно участвовал в подпольных антибольшевистских организациях. Его разыскивали как «белые», так и «красные». Несколько раз он попадал в руки ЧК, но выходил сухим из воды. Порвав с партией эсеров, Маслов в 1920 г. основывает нелегальную политическую ячейку, получившую название «Крестьянская Россия». Позже, уже в эмиграции, эта ячейка превратилась в партию «Крестьянская Россия — Трудовая Крестьянская партия» или просто Трудовая Крестьянская партия (ТКП).

Это та самая ТКП, по делу которой были репрессированы впоследствии многие видные российские экономисты-аграрники. Нередко саму эту партию и, соответственно, дело по ней, называют мифическими. Для примера приведём отрывок из биографии А. В. Чаянова: «Ему (Чаянову. — А. К.) было предъявлено обвинение в принадлежности к мифической “Трудовой крестьянской партии”, о которой он не имел ни малейшего представления. Затевался новый громкий судебный процесс» [Кабанов 1989: 25].

Реальность ТКП нетрудно поставить под сомнение, имея в виду тьму высосанных из пальца процессов против «врагов народа», обвиняемых во вредительстве, связях с троцкистами и шпионаже в пользу белополяков, белокитайцев и бело-кто-их-знает-кого. Однако за рубежом ТКП действительно существовала, а вот о её деятельности на территории советской России и СССР доподлинно ничего не известно. Т. Е. Кузнецова в своей вступительной статье высказывает предположение, что обвинения

строились не столько на реальной деятельности ТКП на территории СССР, сколько на текстах «Крестьянской России», в которых не раз упоминалось о такой деятельности и о друзьях с Родины, выдавая, по словам Кузнецовой, желаемое за действительное. Таким образом, эмигранты невольно подставляли под удар живущих за «железным занавесом».

Однако вернёмся к эмиграции Маслова. Сам Маслов в своём жизнеописании об отъезде за границу пишет так: «В августе 1921 г. по поручению политических друзей выехал нелегально за границу для продолжения политической работы, начатой нелегально с 1920 г. в России. Проявлением и последствием этой работы за границей является создание политической организации “Крестьянская Россия”» [Маслов 2007: 38]. Такая же версия изложена в документах самой «Крестьянской России» и докладе Секретного отдела ОГПУ, на которые ссылается в своей статье М. В. Соколов.

Об эмигрантском периоде жизни Маслова Соколов, в частности, пишет, что за ним пристально следили из Кремля, что среди его окружения была агентура НКВД, посылавшая сообщения о его деятельности лично Сталину. Как-то трудно в это поверить, но Соколов ссылается на одно такое недавно опубликованное донесение.

Маслов и «Крестьянская Россия» получили пристанище в Чехословакии, власти которой выделили финансовую поддержку для издания сборников под аналогичным названием — «Крестьянская Россия». Тот факт, что в 1922 г. Маслов был принят президентом Чехословакии Т. Масариком, говорит о том, что «Крестьянскую Россию» рассматривали всерьёз. Да и в Белграде Маслова принимали на высоком уровне. Соколов делает вывод, что помимо прочего члены «Крестьянской России» занимались консультационной деятельностью, то есть продавали материалы и аналитику об СССР иностранным правительствам. За это организация получала финансовую поддержку. Это подтверждают и найденные Соколовым в архивах ФСБ протоколы уже послевоенных допросов членов ТКП, а также беседа автора в эфире «Радио Свобода» с членом ТКП Г. А. Малаховым в 2004 г.²

Сказать осталось совсем немного. После захвата Чехословакии немецкими войсками Маслова несколько раз арестовывало гестапо. Под конец войны он попал в концлагерь, был освобождён Красной Армией, но только затем, чтобы вскоре попасть в руки СМЕРШа. Вероятнее всего, Маслов был казнён, но обстоятельства его смерти неизвестны.

Основные работы

Монографий у Маслова совсем немного. Писал он в основном статьи в сборник «Крестьянская Россия». Перечислим в хронологическом порядке то немного, что вышло из-под его пера (художественные произведения и учебники мы опускаем).

В России была опубликована брошюра «Социализм и крестьянство», изданная в 1917 г. [Маслов 1917].

Первой крупной работой в эмиграции стала книга «Россия после четырёх лет революции» [Маслов 1922]. Она вышла в 1922 г. и была опубликована на русском, французском, английском и чешском языках. Можно сказать, что по успеху это была вершина писательского творчества Маслова. В рамках серии «Русское зарубежье» планируется переиздать эту работу.

² См.: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2004/lived.050604.asp>. Очень любопытное интервью с человеком, общавшимся с Керенским. Из интервью, в частности, становится понятным, что члены ТКП преодолевали «железный занавес» и на нелегальном положении работали в Союзе. Там же можно посмотреть и фотографию Маслова.

В 1930 г. была издана небольшая брошюра «На революционной работе в России» [Маслов 1930]. Наконец в 1937 г. вышла «Колхозная Россия» [Маслов 1937]. Это была его последняя монография.

Основные идеи книги

Цель своей книги Маслов видит в том, чтобы нарисовать правдивую картину советской деревни после коллективизации. Причём последнюю Маслов считает единственно новым и интересным хозяйственным явлением при большевиках. Остальные явления советского хозяйства Маслов не считает чем-то особенным, присущим лишь социалистическому строю. Такова, например, индустриализация, которая имела место во многих странах и никак не связана ни с социализмом, ни с диктатурой пролетариата. В том же ключе, но более иронично Маслов высказывается и о других «успехах» СССР, провозглашённых на конгрессе Коминтерна в 1935 г.: улучшении материального благополучия трудящихся, повышении их культурного уровня, укреплении государства диктатуры пролетариата.

Совсем по-иному Маслов смотрит на коллективизацию. «Я перебрал почти все основные факты, которые в своей совокупности образуют “победу социализма” в СССР. В них нет принципиальной новизны. Все они находятся в кругу давно известных явлений и подчиняются давно вскрытым закономерностям. Серьёзного познавательного интереса к себе, как к принципиально новому, они вызвать не могут. Иное приходится сказать о последнем проявлении “всемирно-исторической победы” — о коллективизации сельского хозяйства в России наших дней» [Маслов 2007: 83].

Что же он видит в ней особенного? Во-первых, это беспрецедентный масштаб коллективизации и её скорость. «По глубине переворота, его размаху и темпам — это действительно величайшая из революций, какие переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории» [Маслов 2007: 86]. Действительно, в социальных преобразованиях их масштаб, как правило, имеет значение, причём зачастую ключевое. Менее десятилетия спустя после «Колхозной России» о важнейшем значении скорости общественных перемен напишет К. Поланьи, анализируя на страницах «Великой трансформации» явление огораживания в средневековой Англии [Поланьи 2002: 48–51]. А масштаб перемен, видимо, не менее важен, чем их скорость.

Маслов пишет, что сама идея коллективного ведения сельского хозяйства не нова и возникла не на российской почве. Он приводит примеры религиозных общин, последователей Р. Оуэна, Ш. Фурье, Э. Кабе (то есть мыслителей, которых у нас окрестили социалистами-утопистами) и др. Однако по сравнению с советской коллективизацией эти примеры несоизмеримы по своим масштабам. «Все предыдущие коллективные хозяйства были кратковременны, имели характер опыта и сколько-нибудь заметной роли в народной экономике не играли, а колхозы СССР возделывают четыре пятых всех полей в огромной стране, используют две пятых всего скота и вырабатывают до трёх четвертых всего народного дохода, получаемого от сельского хозяйства» [Маслов 2007: 86].

Второй особенностью колхозов, по Маслову, является их внутренняя хозяйственная организация, уникальная в истории человеческого опыта ведения сельского хозяйства. В этом смысле колхоз — абсолютно новый тип организационного устройства. «...По своему происхождению, назначению и всему укладу внутренней жизни современные колхозы России не имеют почти ничего общего с более ранними попытками людей вести совместное хозяйство на земле. Русский колхоз — оригинальное явление» [Маслов 2007: 86].

Здесь любопытны расхождения Маслова с американским исследователем крестьянства наших дней Дж. Скоттом. Последний рассматривал коллективизацию как пример высокого модернизма, а не как

особый и неповторимый эксперимент в истории. Это пример имманентной страсти государства (не только советского, а государства вообще) к упорядочиванию и рационализации повседневной жизни. И здесь Скотт прочерчивает связь «между советским и американским высоким модернизмом, которая заключается в пристрастии к гигантским индустриальным фермам» [Скотт 2005: 307]. Хотя в целом оценки коллективизации Масловым и Скоттом очень близки.

Исходя из такой оценки коллективизации Маслов определяет и задачу своей книги. «Среди “социалистических побед”, одержанных современным СССР, коллективизация сельского хозяйства — самая примечательная. По своей принципиальной новизне, размерам, близким и далёким следствиям она резко выделяется среди всех остальных. Ей посвящена настоящая книга — её причинам, ходу, природе и результатам» [Маслов 2007: 87].

Необходимость написать правдивую книгу о жизни советского села при колхозах возникла ещё и потому, что сведений с Родины не было почти никаких. Маслов отмечает, что если в 1920-х годах в Союзе публиковались довольно подробные и достоверные описания жизни в конкретных советских селах (что-то вроде этнографических зарисовок), то по окончании коллективизации этот источник информации сошёл на нет.

Поэтому одним из источников этой книги является рассказ бежавшего за границу крестьянина о жизни в родном селе. Приведём подробнее описание Масловым этого источника. «Такой редкий материал — обширный, подробный и совершенно достоверный — положен мной в фундамент настоящей книги. Я получил его от молодого русского крестьянина, который в течение нескольких дней непрерывно рассказывал мне о недавнем прошлом и современной жизни своего родного села. Из него мой собеседник, спасаясь от ареста и отправки в концентрационный лагерь, бежал в разгар сталинской коллективизации — весной 1931 г. Через 18 месяцев, осенью 1932 г., он навестил своё село и тайно прожил в нем около двух недель. В мае 1936 г. он, рискуя головой, опять пробыл в нём несколько суток, днём прячась, а ночью ведя долгие, до самого рассвета, разговоры с теми в селе, кто знал о его присутствии и помогал скрываться от властей» [Маслов 2007: 88].

Маслов не ограничивается одним этим рассказом, а использует его скорее как иллюстрацию к своему анализу колхозной советской деревни. В качестве других источников Маслов использует советские материалы: официальную статистику, статьи в советской прессе, выступления, очерки и статьи партийных лидеров, законодательные документы. Только анализирует он их под особым углом зрения. Там, где советские лидеры или журналисты видят «отдельные недостатки» или «перегибы на местах», Маслов видит тенденции и имманентное уродство колхозного строя.

Читая приводимые Масловым выдержки из речей партийных лидеров (особой популярностью у Маслова пользовался тогдашний комиссар земледелия Я. А. Яковлев, позже, как было заведено, расстрелянный), часто ловишь себя на мысли, что недостатки колхозов и искать-то, собственно, не надо — о них красочно пишет само партийное начальство. Порой описания такие сочные, что я сам приведу ниже что-нибудь из «избранного».

Вообще сам текст вызывает ощущение, что где-то это уже слышал, читал. И это понятно, ведь о коллективизации с тех пор немало написано. Собственно содержание текста не открывает чего-то принципиально нового. Однако стоит иметь в виду, что это, по всей видимости, одна из первых обстоятельных работ о коллективизации (напомним, она вышла в 1937 г.). Книга написана по горячим следам. И как замечает во вступительной статье Т. Е. Кузнецова, текст Маслова и приводимые в нём живые истории удивительно созвучны значительно позже опубликованным архивным документам о временах коллективизации [Данилов и др. 1999–2006].

Теперь проследим основные положения, развиваемые в книге. Маслов начинает с рассмотрения мотивов, которые побудили власть развернуть сплошную коллективизацию. Он считает, что время сплошной коллективизации (отдельные коллективные хозяйства существовали задолго до неё) пришло тогда, когда к чисто теоретическим мотивам добавились мотивы деловые.

Теоретические мотивы, взятые из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, сводятся к двум положениям:

- крестьянство обречено на гибель из-за своей технической и организационной отсталости;
- крестьянство — это оплот капитализма и, как следствие, внутренний враг. Несмотря на это, Ленин всё же призывал к ненасильственной и гибкой тактике по отношению к крестьянству, то есть к дифференцированной политике в отношении бедняков, середняков и кулаков.

Но теоретические мотивы были ничто по сравнению с практическими (по Маслову — деловыми). Все они связаны с прямой угрозой существующей власти. Маслов выделяет три деловых мотива коллективизации:

- внешняя угроза и необходимость укреплять обороноспособность страны;
- внутрипартийная борьба за власть и, как следствие, борьба политических программ, частью которых был и вопрос о коллективизации;
- уменьшение поступлений хлеба из деревни.

В отношении деревни стояла одна цель — выкачать из неё как можно больше ресурсов (прежде всего зерна). А в конце 1920-х годов сборы зерна стали падать. Сталин увидел причину в природе мелкого крестьянского хозяйства, которое не способно обеспечить для нужд индустриализации необходимое количество товарного хлеба. Маслов же видит причины совсем в ином: в увеличении численности населения при уменьшении посевных площадей и урожайности; в развитии скотоводства; в неспособности городов в обмен на хлеб предложить селу промтовары в нужном количестве, по сносной цене и приличного качества; в конъюнктуре цен, делающей более выгодным производство незерновых культур.

Как бы то ни было, не важно, каковы были реальные причины; важно то, какие причины увидела власть. То, что воспринимается как реальное, реально по своим последствиям. Крестьянским хозяйствам был вынесен приговор — укрупнить и сменить форму собственности. Предполагалось, что в крупных хозяйствах повысится агрикультура, производительность труда, урожай и товарность. По Маслову, все эти расчёты оказались несостоятельными, так как совершенно игнорировалась хозяйственная мотивация людей. При следующих строках опять приходит на ум «государственный взор» Дж. Скотта: «Как во всех коммунистических планах того времени, человеку, его интересам и поведению придавалось наименьшее значение или не придавалось никакого. Прямо противоположным было отношение к машинам. Машинопоклонство является типичным для последователей Маркса и Ленина» [Маслов 2007: 117].

От мотивов коллективизации Маслов переходит к тому, какими методами она осуществлялась. И здесь целую главу он посвящает рассказу беглого крестьянина о том, как возник колхоз в его селе. Основная цель этой главы — развенчать миф о добровольности коллективизации, который активно «экспортировался» советской властью. Описываются методичные действия властей по записи жителей села в колхоз, которые сводились к тому, чтобы поставить всех, кто отказывались вступать в него, в

такие условия, чтобы у них не оставалось никакого выбора. Крестьяне сопротивлялись. Сопротивлялись упорно, порой фанатично, до последнего. Но большинство в конце концов сдалось. В колхоз загоняли в основном непомерными налогами, угрозами раскулачивания, вменением каких-либо нарушений с последующей высылкой в назидание остальным.

Власть опиралась на беднейшие слои и имела в селе немало своих сторонников. Это не могло не сказаться на человеческих, соседских отношениях. Вот один из примеров, приводимых Масловым по поводу выколачивания хлеба из крестьянских дворов: «В селе развился сыск. За семьями следили — что и сколько они едят, и когда замечали потребление хлеба в них досыта, то опять появлялись сыскные бригады со своими шестами и метр за метром прощупывали усадьбу, взламывали полы в избах и даже отправлялись искать зерно в полях. В поисках выхода многие семьи отдавали своё зерно на хранение беднякам, ибо их пока не обыскивали. Отсюда выросла порча нравов и пошли тяжёлые сельские ссоры: принявшие зерно на хранение нередко не хотели возвращать его собственникам. Их за это поджигали и даже убивали. А за поджогами и убийствами следовали аресты. Районная тюрьма становилась всё населённой» [Маслов 2007: 109–110].

Порой описания перерастают прямо-таки в триллер, но цель этого понятна — показать, на что были готовы идти крестьяне, чтобы только не записываться в колхоз. По словам крестьянина-информанта, его село довели до голода, похожего на голод в блокадном Ленинграде, — он выкосил до половины всего наличного населения. Это была зима-весна 1932–1933 гг., то есть тот самый голодомор, о котором в последнее время периодически слышно с экрана телевизора (село, судя по описанию Маслова, находилось на территории современной Украины). Чтобы не быть голословным, приведу следующий отрывок: «Неубранные трупы по несколько дней лежали и разлагались в избах, и у живых не было сил, чтобы отнести их на кладбище. Были съедены животные. На всё село не осталось ни одной кошки, ни одной собаки, не говоря уже о свиньях, птице, телятах. В вечерние и ночные часы над селом стояла могильная тишина — ни человеческого голоса, ни стука, ни лая собак, ни крика петухов. Был один случай людоедства: жена сосланного в концентрационный лагерь “кулака”, когда-то весёлая и певунья, от голода стала мрачной и молчаливой, пыталась повеситься. Её спасли. После этого она убила и засолила свою дочь 13 лет и питалась ею. Эту женщину расстреляли» [Маслов 2007: 111]. Ну просто «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича. Только после такого жестокого голода колхоз охватил почти всё село, но оставались и такие, кто продолжал упираться. После такого кейс-стади Маслов переходит к анализу коллективизации в масштабе страны.

Здесь остановлюсь лишь на некоторых моментах. Во-первых, изначально слово «колхоз» не имело однозначного содержательного наполнения, как стало впоследствии. Ещё в конце 1920-х годов существовало три вида колхозов: коммуны, земледельческие артели и товарищества. Отличались они степенью обобществления имущества своих членов: в коммунах обобществлялось всё имущество, в артелях — основные средства производства, в товариществах происходила только совместная обработка земли (в то время это называлось общественной запашкой).

В итоге из этих трёх, довольно различных организационных форм победила «золотая середина», то есть артель. Артельную форму приняли практически все колхозы, образованные в ходе сплошной коллективизации. Но победа эта была достигнута не сразу. Изначально власть тяготела к коммунам, а крестьяне — к товариществам. В результате борьбы власти и крестьян соотношение коммун, артелей и товариществ постоянно менялось, что Маслов показывает в цифрах. Сразу после победы революции, когда о сплошной коллективизации речи не шло, власть пыталась организовывать исключительно коммуны. Однако их число было совсем незначительным. Затем в ходе более или менее свободной эволюции указанных коллективных форм хозяйствования на первое место по распространённости вышла артель, а затем товарищество. «...Колхозы гибли и рождались; в одних областях их число резко

падало, в других значительно возрастало; члены непрерывно менялись — одни покидали новую форму хозяйства, другие входили в неё; менялось количественное соотношение в движении различных видов колхозов» [Маслов 2007: 125]. Сплошная коллективизация решила вопрос в пользу артелей; строить коммуны власть просто не решилась, потому что создание артелей (более мягкой формы, нежели коммуны) встретило настолько упорное сопротивление деревни, что Сталин в марте 1930 г. вынужден был опубликовать в «Правде» статью «Головокружение от успехов», критикующую насильственные методы создания колхозов.

Написанное Масловым о волнениях в деревне созвучно недавним находкам историков. «Из деревень летели бесчисленные письма родным и знакомым, служившим в армии, с жалобами на насилие и разорение. В армии начались волнения. Митинги проходили даже среди войск ОГПУ, считавшихся самыми надёжными» [Маслов 2007: 136]. Особый отдел ОГПУ и Политическое управление РККА отслеживали эти письма и составляли по ним сводки, отправлявшиеся наверх. Не так давно некоторые из этих сводок были обнаружены, и их анализу посвящена статья историка Н. С. Тарховой [Тархова 2005].

Коллективизация и раскулачивание привели не только к сопротивлению крестьян власти, но и к гражданской, соседской войне в деревне. «Власть нашла активное сочувствие и содействие своим коллективизаторским планам со стороны батраков и бедняков, и потому через деревню проходили не один, а два фронта. На одном крестьянство ожесточённо билось с агентами власти, на другом — со своими односельчанами, содействовавшими этим агентам» [Маслов 2007: 139].

Маслов приводит ряд «зарисовок с натуры», показывающих психологическое состояние людей и наэлектризованную атмосферу деревни тех лет. Зарисовки сделаны его «политическими друзьями, находившимися тогда в России» (что это за друзья, Маслов не уточняет; по-видимому, соратники по ТКП). Приведём один такой отрывок. «Крестьянин Московской губернии Парфенов 9 октября 1929 г. вышел на середину улицы в своей деревне Анфалово и, как рассказывает обвинительный акт московского окружного суда, “метко целясь двустольным ружьём в проходивших мимо советских работников и общественников, начал стрелять в упор, на выбор. Семнадцать выстрелов, один за другим, тяжело ранили пятерых, легко двоих, батрака Трофимова убили наповал... Отец Парфёнова, 70-летний старик, стоял рядом с сыном и подавал ему патроны”» [Маслов 2007: 141–142].

Далее Маслов рассматривает два вопроса: 1) что колхозы принесли власти и 2) что колхозы принесли крестьянству. Здесь он применяет уже использованный ранее приём: сначала приводит кейс-стади по рассказам своего информанта, а затем рассматривает эти вопросы в масштабе страны. Остановимся только на общих выводах.

Вопрос о том, что колхозы принесли власти, Маслов делит на две части: 1) решила ли власть идеологические задачи и 2) достигла ли власть практических целей. На первый вопрос Маслов отвечает отрицательно, на второй — утвердительно.

Утверждение о том, что власть не достигла своих идеологических задач, Маслов аргументирует следующим образом:

- строительство совхозов (теоретически идеальной формы хозяйствования) пришлось свернуть;
- пришлось остановиться на не самом «социалистическом» типе колхоза — артелях;
- осталась нетронутой свободная колхозная торговля сельскохозяйственной продукцией;
- земля из государственной собственности перешла в колхозную.

Иными словами, власть шла на уступки, всякий раз поступаясь «идеологической чистотой». Маслов пишет об этом так: «...Российская жизнь уходит всё дальше от интегрального и прямолинейного социализма... Властные обстоятельства, в центре которых находится крестьянская борьба, заставили отступить от этого “идеала”, причём “поправки” к нему продолжают и будут продолжаться. Централизованно-социалистического сельского хозяйства с единым и железным руководством не удалось создать» [Маслов 2007: 168].

Своих практических целей власть достигла — сборы с деревни возросли. Но эта краткосрочная цель решалась в ущерб долгосрочной — сборы повысились не за счёт роста урожайности, а за счёт ограбления деревни. Колхозы стали более удобным налогоплательщиком — по сравнению с крестьянскими хозяйствами это более крупные производственные единицы и их число существенно меньше. «Такое положение является чрезвычайно выгодным для выкачивания из сельского хозяйства его продуктов: в 75 раз уменьшилось число податных единиц; каждая единица сделалась легче учитываемой и контролируемой в смысле своих повинностей по обязательным поставкам и их выполнения; в каждой новой податной единице значительно меньшим стал прежний отпор против государственных заготовок, ибо руководители колхозов гораздо меньше заинтересованы в благополучии своего колхоза и его членов, чем крестьянин в благосостоянии своего хозяйства и своей семьи; кроме того, руководители колхозов идейно сильнее связаны с властью и больше зависят от неё, чем крестьянин» [Маслов 2007: 170–171].

О том, что колхозы принесли крестьянству, говорить много не надо — ничего хорошего. Поэтому просто перечислим те пункты, которые можно выделить из анализа Масловым влияния колхозов на жизнь деревни:

- колхозы практически подавили единоличное хозяйство;
- колхозы повлекли за собой религиозные притеснения;
- колхозы разрушали семейные и соседские связи;
- колхозы уничтожили сельскую элиту, то есть тех самых пресловутых «кулаков»;
- колхозы принесли деревне обнищание и жестокий голод.

По поводу наступления колхозов на крестьянскую семью Маслов пишет следующее: «В крестьянских семьях дети разными способами восстанавливались против родителей, младшие против старших, женщины против мужчин. Прежнее моральное единство, которым являлась сельская семья, превращалось в нравственную клоаку. Из неё власть черпала потом силы для своего сыска, и дети доносили ей о запрятанном хлебе, скрытом оружии, украденных бураках и зерне при возке и молотье, о стрижке отцом или матерью колосьев на колхозных полях, о проявлении ими “религиозной реакции” и т. д.» [Маслов 2007: 178].

Наконец Маслов приступает к анализу внутренней организации колхоза, того, как он работает. Соответствующая глава так и называется — «Что такое колхоз?». Маслов использует три источника: рассказы своего крестьянина-информанта, статьи в советской прессе и выступления партийных лидеров, а также «Примерный устав сельскохозяйственной артели» 1930 г. Перечислим только темы, которые рассматривал здесь Маслов: 1) управление колхозами, 2) хозяйственное и правовое положение членов колхоза, 3) хозяйство колхозов, 4) отношение к колхозу со стороны колхозников и хозяйственное поведение последних, 5) организация труда и его оплата.

Как уже можно догадаться, приговор колхозам был вынесен неутешительный: это принудительные, неэффективные, бюрократизированные хозяйственные образования с абсолютно немотивированным персоналом. Маслов иронизирует над «чудесами» советской агрономии: «...Производились попытки сверххранного сева, при котором зерно бросалось в грязную, а порой и в неоттаявшую землю, выводились и сеялись озимый подсолнух, двухлетняя рожь и т. д.» [Маслов 2007: 214]³. Приведём несколько зарисовок, заимствованных Масловым из советских же источников. «...На колхозном дворе конюхов больше, чем лошадей: и старшие, и младшие, и дежурные, и помощники, и по уборке навоза, и заведующие над ними, и фуражиры, и закупщики, и нарядчики, а при всех лошади стоят по колёно в навозе» [Маслов 2007: 206]. «В колхозе 6-й Чонгарской дивизии на Северном Кавказе произвели запись работы бригадира, не предупреждая его о том, что за его работой идёт наблюдение. Оказалось, что бригадир “работал” 16 часов, но в том числе 9,5 часов он потратил непроизводительно. Запись работы, проделанной им в течение этих девяти с половиной часов, говорит следующее: сидит в борозде, — разговаривает на разные темы, не имеющие отношения к работе бригады, — лежит в борозде, — сидит в борозде, — снова лежит — и 2,5 часа потратил на разъезды от села к стану». На второй день бригадир уже знал, что за ним ведётся наблюдение, но «привычка — вторая натура», он и под контрольным огнём всё равно лежал в борозде, сидел в борозде и душевно беседовал на ногах в течение дня 3 часа 10 мин. Другой бригадир на Урале по случаю Пасхи, когда бригаду и его самого заставили работать, вместе с одним коммунистом и одним комсомольцем «выпили в поле изрядное количество литровок (водки) и этим разложили бригаду» [Маслов 2007: 222–223]. Маслов пишет о повальном воровстве колхозного имущества, которое, кстати, наблюдается и в постсоветское время: «Всеобщие и повсеместные жалобы на хищения колхозного добра... Колхозные поля напоминали места сражений и позиционной войны» [Маслов 2007: 225].

Несмотря на свою неприкрытую неприязнь к большевикам вообще и к колхозам, Маслов старается быть объективным и признаёт, что наблюдаются и перемены к лучшему. Эти перемены он называет «колхозным НЭПом» и связывает его с примирительной политикой власти по отношению к колхозникам и прежде всего с новым артельным уставом 1935 г., который он оценивает в целом позитивно. Этот устав, в частности, разрешал колхозникам иметь приусадебный участок, домашних животных и в целом признавал личные интересы колхозников.

Заканчивает книгу Маслов очерками о трёх разных колхозах, заимствованными им из советских и эмигрантских источников. Не удержался Маслов и от прогнозов, которые в отдельных элементах оправдались, но в целом довольно далеки от того, что случилось на самом деле. «Традиция в конце концов всегда побеждает революцию, но следует помнить: она никогда не восстанавливается в своём первоначальном виде, к ней неизменно примешиваются следы революции и она становится сплавом старого и нового. Это произойдёт и с современным российским колхозом: он сожмётся, уменьшится в своих размерах и задачах, станет только слугой крестьянского семейного двора, но он останется долгим и влиятельным фактом российской жизни...» [Маслов 2007: 277].

³ Подсолнечник является яровой культурой, а рожь — однолетним растением.

Литература

- Данилов В. П., Маннинг Р., Виола Л. (отв. ред.). 1999–2006. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939*. В 5 т. М.: РОССПЭН.
- Кабанов В. В. 1989. Краткий биографический очерк. В кн.: Чайнов А. В. *Крестьянское хозяйство: Избранные труды*. М.: Экономика.
- Маслов С. С. 1917. *Социализм и крестьянство*. Петроград: Революционная мысль.
- Маслов С. С. 1922. *Россия после четырёх лет революции*. Ч. 1–2. Прага: Крестьянская Россия.
- Маслов С. С. 1930. *На революционной работе в России*. Белград: Крестьянская Россия.
- Маслов С. С. 1937. *Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее*. Прага: Крестьянская Россия.
- Маслов С. С. 2007. *Колхозная Россия*. М.: Наука.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.
- Тархова Н. 2005. «Крестьянские настроения» в Красной Армии в 1928–1931 гг. (реакция армии на процессы коллективизации и раскулачивания в деревне). В сб.: Окуда Х. (ред.). *XX век и сельская Россия*. Токио: CIRJE-R-2.